«Нам не страшен грипп свинячий, потому что мы синячим»: шутки об эпидемии как симптом общественной напряженности

Дарья Александровна Радченко [1], [2]

✉ darradchenko@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9298-7783

[1] Центр городской антропологии КБ Стрелка, Москва, Россия
[2] Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия

Для цитирования статьи:
Радченко, Д. А. (2020). «Нам не страшен грипп свинячий, потому что мы синячим»: шутки об эпидемии как симптом общественной напряженности. *Фольклор и антропология города*, *II*(1–2), 280–304. DOI: 10.22394/26583895-2020-3-1-2-280-304.

Фольклор является важным способом реакции общества на кризисные ситуации (в том числе эпидемии). Может ли он, однако, стать диагностическим признаком, по которому можно судить об уровне общественной напряженности? С опорой на эксперименты П. Макгроу в статье предлагается измерять динамику распространения трех тем шуток — о воспринимаемой остроте опасности, близости опасности и способах избегания или преодоления. На материалах фольклорной реакции на пандемию свиного гриппа в 2009 году демонстрируется, что новые шутки о свином гриппе появлялись тогда, когда опасность воспринималась как умеренная (представление о том, что можно заразиться гриппом, но не умереть от него), а дистанция до нее как средняя (источник заражения — соотечественники в общественных пространствах города). Соответственно, спад или рост шуток могут свидетельствовать об отклонении от баланса в сторону уменьшения или увеличения воспринимаемой опасности. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС «Фольклорные идеологии и поведенческие стратегии в современном городе».

Ключевые слова: актуальный фольклор, юмор, шутки о катастрофах, ньюслор, фольклорная реакция

"We are not afraid of flu 'cause we're drinking all day through": Epidemy jokes as a symptom of social tension

Daria A. Radchenko [1], [2]

✉ darradchenko@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9298-7783

[1] Centre for Urban Anthropology, Strelka KB, Moscow, Russia
[2] Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

To cite this article:
Radchenko, D. (2020). "We are not afraid of flu 'cause we're drinking all day through": Epidemy jokes

as a symptom of social tension. *Urban Folklore & Anthropology*, *III*(1–2), 280–304. (In Russian). DOI: 10.22394/26583895-2020-3-1-2-280-304.

Folklore is an important form of social response to crisis situations (including epidemics). Can it, then, become a diagnostic symptom for analyzing social tensions? Basing on experiments of Peter McGraw, we propose a model to measure dynamics of three joke topics: perceived strength of danger, distance from danger and ways to deal or avoid danger. On the data from folklore reaction to the "swine flu" pandemics of 2009 we show that new jokes about the swine flu appeared in accordance with McGraw model, in the situation when the danger was perceived as mild (it seemed possible to catch the flu but not die from it), and the distance as medium (shown in the idea that the source of contamination were the people in public spaces rather than the agents from overseas). Hence, growth or reduction of quantity of jokes may suggest symmetrical change in the perception of epidemics. The paper was written as part of a scientific research project within the RANEPA state assignment "Folklore ideologies and behavioral strategies in contemporary city".

Keywords: contemporary folklore, humor, disaster jokes, newslore, folklore reaction

Эта статья имеет, по сути, исторический характер — она построена на наблюдениях 2009 года за онлайн-обсуждениями пандемии гриппа H1N1 (в обиходе известного как свиной грипп) и анализе порожденных этими обсуждениями юмористических фольклорных текстов. За прошедшие десять лет и ландшафт онлайн-взаимодействий, и методология его изучения серьезно изменились. Например, наиболее востребованный сервис блогов Livejournal.com утратил популярность и уступил место социальным медиа, Yandex закрыл свой удобнейший поисковый инструмент «Поиск по блогам» как мало востребованный продукт. В этот период были написаны тысячи статей о распространении информации в интернете и разработаны более точные методы сбора и изучения онлайн-фольклора (в том числе, группой «Мониторинг актуального фольклора», в которую входит автор этих строк). Исследователи интернета нередко сокрушались, что статьи про объект их изучения устаревают быстрее, чем выходят — что уж в таком случае говорить про неопубликованный десять лет назад материал, собранный по устаревшей методологии?

Читатель вправе спросить — почему же, в таком случае, мы возвращаемся к этой «археологии неактуального фольклора» сейчас? Во-первых, тексты актуального фольклора (будь то анекдоты, слухи, песни или любые другие жанры) могут воспроизводиться в случае новых аналогичных проблем без каких-либо изменений или переделываться для того, чтобы соответствовать этой новой ситуации — то есть становиться моделью для осмысления новой проблемы (см. напр.: [Lee 2014]). Во-вторых, такой ретроспективный взгляд поможет увидеть общие для разных пандемий страхи и способы их проживания, отраженные в фольклоре. Поэтому в 2020 году, во время эпидемии COVID-19, стоит вернуться к анекдотам 2009 года — хотя бы для того, чтобы увидеть сходства и различия переживания эпидемий.

Пандемия свиного гриппа началась весной 2009 года. 25 апреля была опубликована информация о вспышке эпидемии в Мексике, в последующие несколько дней были зафиксированы случаи заражения в США, Великобритании, Новой Зеландии, Германии, и ВОЗ объявила о ситуации глобальной угрозы. В течение мая — июля новый штамм гриппа бурно распространялся по планете, и к августу случаи заболевания

были зафиксированы в 168 странах мира, включая Россию. На протяжении этих месяцев российские власти реагировали на происходящее ситуативно и несистемно: то сообщая об инвестициях в борьбу с вирусом, то публично предполагая, что лечения от него нет, то закрывая поставки в страну мексиканской свинины или предлагая закрыть границы государства и продлить школьные каникулы. В сентябре заболеваемость в РФ и, соответственно, борьба с вирусом перешли в активную фазу — к концу сентября в стране было зафиксировано 457 случаев[1], а в октябре появились первые летальные исходы. В некоторых регионах были закрыты на карантин образовательные учреждения, в октябре в стране была официально зарегистрирована вакцина, а 9 ноября началась вакцинация (при этом главный санитарный врач страны в том же месяце публично объявил о том, что никакой эпидемии на самом деле нет, а речь идет об одном из обычных штаммов гриппа[2]). К декабрю тон СМИ, пишущих об эпидемии, изменился радикально — они стали сообщать, что угроза была преувеличена ради выгоды фармацевтических компаний.

В результате этих колебаний медиа и власти в течение восьми месяцев сохранялась ситуация неопределенности, когда не ясно ни существует ли угроза, ни как от нее защищаться. На подобные ситуации неопределенности люди нередко реагируют, в том числе, и юмором. Такие фольклорные тексты, в англоязычной исследовательской традиции обозначаемые как «шутки о катастрофах» (disaster jokes), хорошо изучены[3]: существует целый пласт работ о юмористическом фольклоре, связанном с техногенными катастрофами, природными катаклизмами, войнами, преступлениями или гибелью известных людей и т. д. Ключевой вопрос для исследований этого типа текстов заключается в том, почему люди шутят о трагедии — какова функция этих шуток для сообщества, почему в них происходит кажущееся нарушение нормы реакции на гибель людей, как юмористическая реакция разворачивается во времени и пространстве.

Отчасти в соответствии с этой традицией, мы поставим вопрос следующим образом: как реагирует юмористический фольклор на эти колебания неопределенности в ситуации эпидемии свиного гриппа и какие страхи отражаются в фольклорных текстах в первую очередь?

Методология исследования

Для ответа на этот вопрос в декабре 2009 года был предпринят сплошной ретроспективный сбор юмористических текстов о свином гриппе, которые циркулировали в соцсетях, блогосфере, на форумах, а также были размещены в пополняемых пользователями онлайн-коллекциях (например, на сайтах-сборниках анекдотов). Сбор охватывал весь период эпидемии — с апреля по декабрь 2009 года, но был ограничен только текстами на русском языке. При помощи сервиса «Яндекс. Поиск по блогам» был проведен двухуровневый поиск. Сначала по запросу «свиной грипп» были найдены все тексты, упоминающие об эпидемии в Livejournal.com (всего около 20 000 текстов), и затем прокодированы вручную (результаты отражены ниже на *Графике 1*). В ходе этой работы из массива были по формальному критерию выделены юмористические тексты. В качестве формального критерия

[1] https://ria.ru/20090927/186620235.html

[2] https://www.rbc.ru/society/11/11/2009/5703d77b9a7947733180c6b0

[3] См. некоторые статьи и обзоры из этого ряда в: [Narvaez 2003, Frank 2011, Blank 2013].

выступило наличие внутренней неконгруэнтности текста (наличие двух и более противоречащих друг другу контекстов, столкновение которых производит когнитивный диссонанс и его неожиданное разрешение) [Ritchie 2014: 54–55]. Приведем в качестве примера шутку, построенную на очень характерной для «юмора о катастрофах» модели[4]:

> И о погоде: завтра ожидается влажная погода с обильными соплями, температура — до 40 градусов, порывы кашля могут достигать 5–7 метров[5].

В этой шутке контекст «выраженный клишированным языком прогноз погоды» сталкивается с контекстом «описание симптомов болезни». Ожидание слова «осадки» после слова «обильный» нарушается включением слова «сопли» из другого контекста, создавая первую неконгруэнтность, а затем возникшее недоумение разрешается второй подменой благодаря двойному значению слова «температура», которое может быть применено и к атмосфере, и к человеку.

Тексты были затем внесены в базу данных. Для того, чтобы дополнить полученный корпус, был произведен поиск на сайтах-агрегаторах юмористических текстов и поиск по изображениям в Яндексе. Следующим шагом производился поиск найденных вербальных текстов, чтобы определить наиболее вероятную дату первого цитирования онлайн.

Результатом этой работы стал закрытый корпус текстов, разделенный на две группы: вербальные тексты (шутки, анекдоты — всего 160 текстов) и визуальные тексты (фотожабы, демотиваторы и т. д. — 80 текстов, не включая варианты). Каждый текст сопровождался метаданными — прямой ссылкой на первое найденное цитирование и дату размещения онлайн. Итоговое исследование проводилось на основании вербального корпуса, а визуальные тексты служили скорее иллюстративным материалом.

Здесь важно сделать две оговорки исторического характера о том, как был устроен «пользовательский» интернет в России в 2000-е годы. Во-первых, его аудитория, несмотря на бурное развитие и технологий, и разнообразия платформ и контента, все еще была достаточно ограниченной. По данным отраслевого доклада Управления телерадиовещания и средств массовой коммуникации, на 2009 год аудитория интернета в России составила около 37% населения старше 18 лет, причем 89% выходов в онлайн совершалось с десктопа. 77% пользовались интернетом для чтения новостных сайтов, 41% — читал блоги и форумы (на начало 2010 года регулярно обновлялось примерно 1,2 млн блогов). Аудитория «Одноклассников» и «ВКонтакте» составляла 45 и 40 млн человек соответственно [Лебедев и др. 2010]. Итак, в конце десятилетия интернет, в том числе соцмедиа, был активным поставщиком новостей менее чем для половины населения, причем существенную часть пользователей — особенно пользователей социальных сетей — составляли молодые люди. При этом на протяжении первой половины 2000-х годов государственный контроль за онлайн-ресурсами был относительно слабым (хотя он постепенно нарастал), а «креативное ядро» Рунета позиционировало себя как контркультурное или оппозиционное [Кратасюк 2009: 63]. В сочетании с высокой связностью Рунета, которая ощущалась исследователями как «коммунальность» [Конрадова и др. 2009: 14], эти факторы поддерживали возникновение и активное распространение фольклорных текстов как в самом этом «креативном ядре», так и за его пределами.

[4] См. аналоги, возникшие в связи с аварией на АЭС Три-Майл-Айленд 1979 года, в [Blank 2013: 30].

[5] Здесь и далее в приведенных фольклорных текстах сохраняется орфография и пунктуация оригинала.

Во-вторых, русскоязычный сегмент интернета («Рунет») не совпадал — и не совпадает — с государственными границами России: русским языком в онлайн-общении пользуются и жители других стран. Более того, в описываемый период «Рунет» отличался заметно большей трансграничностью, чем на момент публикации этой статьи. Энрика Шмидт и Кати Тойбинер отмечали, что «Рунет» в это время описывался пользователями и как территория формирования особой национальной (российской) культуры интернета, и, наоборот, как средство преодоления границ [Шмидт, Тойбинер 2009]. Например, в конце 2000-х годов украинские пользователи гораздо чаще, чем сегодня, пользовались русским языком для создания постов и гораздо активнее общались с российскими пользователями. Теснота связей и общность языка приводила к тому, что тексты легко распространялись среди русскоязычных пользователей — особенно в странах с высокой долей русскоязычного населения. Поэтому из корпуса были исключены только тексты на других языках, которые вряд ли могли бы циркулировать в исключительно русскоязычных регионах, но не были исключены тексты об украинской повестке на русском языке, распространявшиеся и украинскими, и российскими пользователями (в том числе и потому, что интерес к ней в российских медиа был достаточно велик для того, чтобы стимулировать создание и распространение соответствующих анекдотов).

Динамика развития юмористической реакции

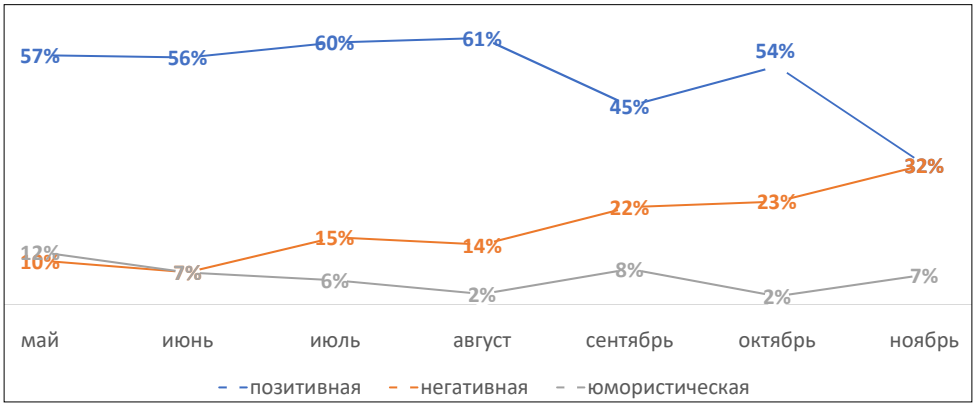
Реакция соцмедиа на свиной грипп в русскоязычном сегменте опередила новостные сообщения СМИ: например, на сервисе блогов Livejournal.com резкий всплеск производства текстов возник в мае 2009 года, когда Россию эпидемия еще практически не затронула, и официальные медиа упоминали о ней только в единичных случаях. Точно так же разворачивалась реакция на пандемию и в Китае [Zhang 2017] — сначала отреагировали соцмедиа, и только потом — официальные каналы коммуникации. Исследовательская команда под руководством Лисы Сингх [Singh et al. 2019] полагает, что это общая закономерность реакции соцмедиа на эпидемию: в каждой конкретной стране рост числа пользовательских сообщений о происходящем опережает динамику заболеваемости. По мнению авторов этой статьи, такое опережение происходит из-за особенностей статистического учета больных (люди чувствуют себя плохо, еще не будучи диагностированы). Но вполне возможно, что быстрая реакция соцмедиа скорее связана с уровнем тревожности, не всегда напрямую соотносимым с числом медийных публикаций или уровнем заболеваемости.

Чтобы проверить это предположение, нужно рассмотреть содержание текстов пользователей блогосферы. На *Графике 1* представлены три типа реакций на происходящее: позитивная (согласие с позицией медиа, признание опасности эпидемии), негативная («эпидемиологическое диссидентство», конспирологические предположения о том, что эпидемии не существует, она выдумана некими организациями в своих целях) и юмористическая (производство и трансляция текстов юмористического характера).

Мы видим, что в мае 2009 года тревожность довольно высока. В начале эпидемии пользователи в основном были согласны с тем, что свиной грипп опасен, но в то же время и иронизировали над этой опасностью. Во время второго пика обсуждений (октябрь–ноябрь 2009 года, когда свиной грипп становится непосредственной угрозой для россиян) нарастает скепсис по отношению к проблеме. Однако объем юмористических текстов в общем

потоке реакции даже в период максимального скепсиса не превышает 10% — проблема, по-видимому, все же воспринимается слишком серьезной, чтобы над ней смеяться.

График 1. Три типа реакций на эпидемию в % к общему числу текстов о свином гриппе в Livejournal.com за каждый период (по данным «Яндекс. Поиск по блогам»)

Как показывают предыдущие исследования, в похожих англоязычных массивах текстов доля юмора, как правило, существенно выше. Например, проанализировав 7678 англоязычных твитов о свином гриппе, команда исследователей из Великобритании и Австралии выделила среди них 17%, содержащих юмор, а в таком же корпусе текстов про эпидемию Эбола (5695 твитов) юмор составил уже 24,41% [Ahmed et al. 2018]. К сожалению, авторы не описывают принципы выделения юмористических текстов и их (весьма неряшливой) классификации, но бросается в глаза, что такие тексты составляют от одной пятой до четверти всех твитов об эпидемии. В статье, посвященной анализу визуальных текстов, размещенных в Instagram и Flickr, Эмили Зельтцер с коллегами [Seltzer et al. 2015] сообщают, что из 1217 изображений, помеченных хэштегом #ebola, 23% (то есть также почти четверть массива) составили шутки.

Однако в работе той же группы исследователей 2017 года [Seltzer et al. 2017], посвященной изучению визуальных текстов о вирусе Зика, показано, что доля юмористических изображений в инстаграме на эту тему составила всего 8,2% от проанализированного массива. Различие в доле юмора, по-видимому, объясняется тем, что, хотя лихорадка Эбола существенно опаснее и контагиознее гриппа, большинство англоговорящих стран вспышка 2014 года не затронула: эпидемия прошла по странам Западной Африки (не считая одного случая в Испании и четырех в США), где к концу 2014 года по данным ВОЗ зафиксировано 7588 летальных случаев (то есть 39% заболевших). Для сравнения, свиной грипп был отмечен в 140 регионах мира, на 27 августа 2009 года было зафиксировано 2627 смертей (около 0,8% заболевших), а число заразившихся вирусом Зика в США составило 5282 случая (на июнь 2017 года).

Для того, чтобы шутить о проблеме, необходима некоторая дистанция. Это может быть социальная удаленность от события, отсутствие непосредственного ощущения угрозы. Например, по наблюдениям Дайан Голдстин,

шутки про СПИД начали выходить из обихода по мере того, как болезнь стала угрожать не только маргинализованным группам (ЛГБТ, наркоманам), но и всем вообще — когда умирает кто-то из ближайшего окружения, это не смешно [Goldstein 2004: 6]. Аналогичную закономерность отмечает и Билл Эллис: после террористической атаки на World Trade Center 11 сентября 2001 года волна шуток в удаленной от событий и географически, и культурно Британии началась раньше, чем на месте событий: когда в Британии уже бурно распространялись шутки, в США все еще длился «латентный период» фольклорной реакции, во время которого шутить кажется неуместным [Ellis 2002].

Итак, мы видим, что шутки возникают при наличии дистанции (социальной, географической или хронологической) от происходящего. Однако эта дистанция не должна быть слишком большой — если угроза или катастрофа не имеет к нам никакого отношения, то и шутки о ней не появятся [Frank 2011: 106].

В своей статье о «чернобыльском фольклоре» Лариса Фиалкова дискутирует о роли этой дистанции с Джеймсом Моррисоном. Моррисон зафиксировал рост шуток о чернобыльской катастрофе среди поляков во время первых признаков снижения уровня паники (то есть в соответствии с моделью, позднее описанной Биллом Эллисом), в то время как киевляне, по наблюдениям самой Ларисы Фиалковой, шутили о ней все время, пока сохранялось напряжение, на протяжении 1986 и 1987 годов [Fialkova 2001]. Оказывается, что возникновение и распространение юмористических текстов может снижаться и по мере усиления опасности, и по мере ее исчезновения.

Это качественное наблюдение подтверждается экспериментально. Группа исследователей-психологов под руководством Питера Макгроу [McGrow et al. 2012] провела серию тестов того, как люди воспринимают юмористическое в зависимости от физической, хронологической, социальной дистанции от угрозы и от степени гипотетичности события. Результаты исследования показали, что на появление юмора совокупно влияют оба автономных фактора: дистанция с объектом, которому грозит опасность, и степень остроты раздражителя. Например, люди больше склонны смеяться над шутками о трагедиях, которые далеки от них, и над шутками о мелких неприятностях, которые актуальны для них. Иными словами, дистанция увеличивает комичность острого раздражителя (и при этом смягчает его остроту), но снижает комичность мягких раздражителей (они перестают восприниматься как раздражители).

Можно предположить, что юмор оказывается симптомом тревожности в той фазе эпидемии, когда угроза уже ощущается, но еще не воспринимается как непосредственная («эпидемия реальна для территории, где я живу, но я и мои близкие вне опасности»). Судя по нашим данным и данным приведенных исследований, можно выдвинуть гипотезу о том, что по доле шуток по отношению к общему числу текстов об эпидемии можно судить об уровне страха перед болезнью — разумеется, принимая во внимание и локальную культурную специфику, и особенности пользования теми или иными социальными сетями в исследуемый период, и аудиторию той или иной платформы соцмедиа. Рост доли шуток о болезни в потоке сообщений свидетельствует о достижении баланса между средним уровнем ощущения опасности и средней дистанции от нее, в то время как спад может сигнализировать либо о росте тревожности, либо о прекращении угрозы. Однако рост шуток в абсолютном выражении свидетельствует о возрастании общего интереса к теме.

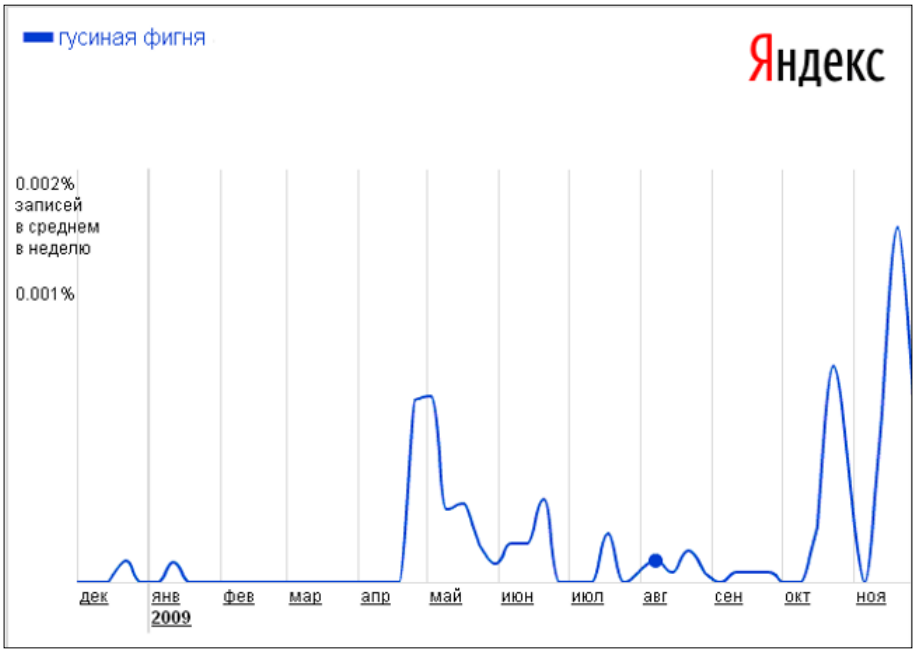
В качестве примера рассмотрим, как распространялся один из самых популярных юмористических текстов о свином гриппе, описывающий предполагаемый механизм развития медиапаники вокруг эпидемии. Автором юморески считается пользователь платформы блогов Livejournal.com segal (Сергей Галёнкин), но вскоре после начала распространения текст утратил авторство и дальше активно циркулировал уже на правах «фольклорного». Приведем его целиком в том виде, в котором он был опубликован на странице segal:

Свиным гриппом навеяло:
Пациент в Зимбабве: Доктор, у меня отваливаются уши.
Врач в Зимбабве: Да это какая-то хуйня! А что вы делали?
Пациент: Ебал гусей.
Доктор: Так у вас гусиная хуйня!
Пациент: Спасибо, доктор! (умирает)
Доктор (записывает в журнал): Пациент умер от гусиной хуйни.
Пресс-служба минздрава Зимбабве: За прошедшую неделю в Зимбабве умерло две с половиной тысячи человек от голода, пять тысяч четыреста от отравления протухшими бананами и один человек от гусиной хуйни.
Журналист (записывает): Гусиная хуйня вошла в список трех главных причин смертности в Зимбабве.
Новостное агентство: В Зимбабве участились случаи заболевания неизлечимой гусиной хуйней.
Телеканал: Неизвестное ранее заболевание гусиной хуйней выкашивает население Зимбабве. Министерство здравоохранения Зимбабве призывает не паниковать.
Научное светило А: Да, гусиная хуйня не известна науке и в этом ее главная угроза.
Авиакомпания Конго Эйр: Мы прекращаем все полеты в Зимбабве до разрешения эпидемии гусиной хуйни.
Научное светило Б: Власти скрывают! На самом деле гусиная хуйня уже проникла в Европу — в Амстердаме видели чихающего негра с гусем под мышкой.
Пресса (публикует фотографии гусей): Гагакающие убийцы рядом!
Политик: Для борьбы охватившей мир эпидемией гусиной хуйни крайне необходимо истребить всех гусей.
Милиция (козыряет): Будет сделано.
Владельцы гусиных ферм: Да вы что, охуели? (Красиво дерутся с милицией под щелканье вспышек прессы)
Пресса: Заговор владельцев гусиных ферм угрожает национальной безопасности!
Министр здравоохранения Монголии: Для спасения страны от эпидемии гусиной хуйни, которая вплотную подобралась к нашим границам, нам крайне необходимо выделить сто миллионов долларов на переоснащение лаборатории по борьбе с утиной хуйней.
Премьер-министр Монголии: Да вы охуели!
Президент Монголии: Премьер-министр слишком погрязла в финансовых махинациях, договорах с Китаем о поставках хлеба и нагло игнорирует реальную угрозу населению свободолюбивой Монголии!
Бывший премьер-министр Монголии: Наша партия срочно требует спасти население от вируса гусиной хуйни. Ну или по крайней мере население восточной Монголии.
Кандидат в президенты Монголии: Единственный способ спасти страну — прекратить отношения с загнивающим западом, откуда пошла гусиная хуйня, а вместо этого уплотнить сотрудничество с Китаем и войти в его состав на правах автономии. Китай нас спасет!
Избиратели Монголии: Да вы охуели![6] (28.04.09)

[6] http://segal.livejournal.com/704669.html

Этот текст и появившийся в результате мем «гусиная хуйня (*вар.: фигня*)» появляется и становится востребованным в конце апреля — начале мая на волне обсуждения проблемы свиного гриппа, а затем резко реактуализируется в октябре — ноябре, когда эпидемия проникает на территорию России и Украины и приводит к соответствующим мерам правительств и росту напряженности среди населения (*График 2*). В эти же периоды, как мы увидим позже, распространяются и все остальные тексты. Всего за период эпидемии мем был воспроизведен не менее 5981 раза по выдаче Yandex (7930 раз по данным Google), став самым популярным мемом о свином гриппе.

График 2. Мем «Гусиная фигня»: динамика распространения (по данным «Яндекс. Поиск по блогам»)

Мы видим, как мем, выражающий неприкрытый скепсис по отношению к эпидемии, оказывается востребован именно тогда, когда об угрозе заражения медиа говорят интенсивнее всего. Если следовать модели Макгроу, в которой увеличение числа шуток об угрозе свидетельствует о том, что она в это время не воспринимается как очень серьезная, возникает противоречие: максимальный рост репостов «гусиной фигни» происходит именно тогда, когда угроза приближается к нам максимально — эпидемия приходит в российские города. По-видимому, есть какой-то фактор, который увеличивает дистанцию между пользователями соцмедиа и эпидемией.

Как полагает Гиселин Койперс, важная роль «юмора катастроф» заключается в том, что он «доставляет удовольствие за счет трансгрессии границ (то есть нарушения моральной нормы, навязываемой медиа — *Д. Р.*) и блокирует чувство вовлеченности» [Kuipers 2005: 81]. Кристи Дэвис определяет это явление как протест против «эмоциональной гегемонии» медиа [Davies 2003: 26] — люди смеются над катастрофой потому, что медиа создают слишком сильное давление информационного потока (снова и снова повторяя кадры катастрофы или сведения о погибших), и к тому же задают

жесткую моральную рамку того, как следует на это реагировать (как следует выражать горе).

Джон Мейер в своей работе о четырех функциях юмора показал, что в качестве риторического приема юмор нередко используется для того, чтобы объединить слушателей или построить барьер между ними и группой, занимающей противоположную позицию по отношению к чему-то; эта функция вполне характерна и для «фольклора эпидемий». Юмор также является способом почувствовать превосходство над кем-то (например, над чьими-то неадекватными высказываниями или действиями) [Meyer 2000: 314]. В нашем случае это может означать стремление надстроиться над воображаемыми «другими», например, излишне доверчивыми паникерами, или почувствовать себя сильнее самой угрозы, например, Оливия Маркус и Меррилл Сингер описывают, как шуточная антропоморфизация болезни Эбола (изображение ее в виде девушки из аниме по имени Эбола-тян) позволяет пользователям почувствовать свое превосходство над болезнью: власть желать ее как сексуальный объект, восхищаться ей, призывать ее на помощь (исследователи приводят примеры того, как пользователи — в шутку или всерьез — писали под такими изображениями «Эбола-тян, помоги нам с польским правительством» или «когда же ты дойдешь до Венгрии?») или наоборот — выплескивать на нее и ее фанатов свою агрессию [Marcus, Singer 2016: 350]. Шутки работают как способ отстроиться от угрозы, задать дистанцию между собой и событием или «группой риска» [Goldstein 2004: 5]. Кроме того, юмор помогает укрепить собственную групповую солидарность (о «юморе висельников» как способе солидаризации писал, в частности, Антонин Обрдлик, отмечая, что насмешка над общей угрозой поднимает дух группы и помогает ей почувствовать себя единым целым [Obrdlik 1941–1942]).

Текст о «гусиной фигне» (равно как и большинство шуток о свином гриппе, которые будут разобраны ниже) распространяется в период острой фазы эпидемии именно потому, что позволяет дистанцироваться от угрозы, от верящих в эту угрозу людей и от морального давления СМИ, и в то же время (а вернее — за счет этого) укрепить солидарность между шутящими над эпидемией. В этом смысле шутки об эпидемии имеют некоторое психотерапевтическое значение: когда болезнь оказывается ближе, чем хотелось бы, шутки помогают создать ощущение безопасности — то есть за счет эффекта остранения увеличить дистанцию между собой и эпидемией.

Страхи в юморе об эпидемии

В предыдущем разделе мы видели, что шутки сложным образом реагируют на медийную повестку. Но у этого явления есть и оборотная сторона. Официальные медиа (по крайней мере, сетевые) охотно комплектуют и публикуют подборки таких текстов в качестве своеобразного среза общественного мнения. Такие подборки затем активно распространяются в социальных сетях. Таким образом, медиа не только поставляют пользователям соцмедиа новостной материал для фольклорной обработки, но и являются активным агентом распространения фольклорных текстов, способствуют реактуализации старых шуток и самим фактом своего внимания стимулируют создание новых. Шутки оказываются важной частью медийного ландшафта, влияют на дальнейшее восприятие происходящего, и именно поэтому важно понимать, какие именно раздражители привели к их возникновению. Как замечает Ян Хованец, «медийные катастрофы дают

людям, которые могут быть физически или когнитивно далеки от самих событий, возможность рассказать о своей неудовлетворенности другими вещами» [Chovanec 2019: 206].

Проблема заключается в том, что типологии юмора о болезнях обычно строятся исследователями ad hoc, и в результате оказываются довольно неряшливыми — в одном перечне нередко сочетаются типы, выделенные и по содержанию текстов, и по механизму образования комического, и по прагматике. Что еще хуже, такие типологии невозможно сопоставить между собой. Вместе с тем, что-то общее в шутках об эпидемиях безусловно есть: в таких разных работах, как [Zhang 120], [Seltzer et al. 2015], [Анцибор 2012], в типологии шуток включаются не только, например, «шутки над паникой», но и «политические шутки» и т. д.

Поэтому этот раздел носит экспериментальный характер: в нем мы попробуем выстроить типологию шуток об эпидемиях, валидную для любого подобного события, и посмотрим, как она работает на собранном нами небольшом корпусе текстов.

Мы будем исходить из того, что юмор об эпидемиях проявляет страхи, связанные с этими эпидемиями, подтверждая или опровергая их. Опираясь на высказанный выше тезис о том, что юмор является функцией дистанции от опасности и силы опасности, можно предложить следующую типологию тем шуток (в терминологии Эллиота Оринга — базовых значений [Oring 1992]), которая затем позволит нам оценивать уровень напряженности сообщества. Это тексты о: (1) степени опасности эпидемии; (2) дистанции до источника заражения; (3) возможностях защититься от эпидемии (то есть увеличить дистанцию и/или уменьшить опасность). Каждую из этих тем мы разделили на несколько подтем, создав шкалу восприятия опасности и дистанции до нее.

Здесь необходимо сделать несколько оговорок. Во-первых, в каждом конкретном тексте может присутствовать как всего одна тема, так и несколько из них (поэтому сумма текстов, в которых упоминается каждая из тем, превышает 100%). Во-вторых, каждая из этих тем может разворачиваться как позитивно, так и негативно (например, шутки о страхе заразиться могут и выражать этот страх, и высмеивать его). В-третьих, данные корпуса позволяют только оценить, когда вводится в оборот та или иная тема, но не ее востребованность в тот или иной период (для этого требуется анализ не только самих текстов, но и их репостов [Архипова и др. 2018], но получить ретроспективный материал такого рода сейчас уже не представляется возможным). Впрочем, некоторое влияние на состав корпуса уровень востребованности все же оказал: мы не включали в корпус тексты, которые встречались только один раз. Далее мы покажем, как эти темы разворачиваются в корпусе шуток о свином гриппе.

1. Острота опасности: бояться ли эпидемии?

Довольно большое число фольклорных юмористических текстов (10% собранного корпуса) посвящено тому, что эпидемии не существует, она целиком вымышлена. В том числе, такие шутки могут строиться на конспирологических теориях о том, что медиапаника — это продукт деятельности определенных агентов в своих интересах (власти, чтобы усилить контроль за гражданами, фармацевтических компаний для повышения продаж и т. д). Это представление о том, что никакой угрозы не существует, мы обозначим как нижний уровень восприятия опасности.

«Птичий грипп», «свиной грипп»... Чушь собачья![7]

Доктор Хаус, что вы думаете о ситуации со свиным гриппом? — Все лгут[8].

Украина — единственная страна мира, где грипп распространяется через средства массовой информации[9].

В Киеве новая эпидемия: на одного чихнувшего — двадцать обделавшихся[10].

Илл. 1. Опасность отсутствует[11]

В эту же категорию попадают и шутки о том, что свиной грипп — это на самом деле всего лишь похмелье после того, как человек «насвинячился».

Главные симптомы свиного гриппа: головная боль, слабость, боль в мышцах, головокружение и желание насвинячиться[12].

Симптомы свиного гриппа: Ужасно тошнит, болит голова, не держат ноги, непреодолимо тянет лечь в лужу и уснуть[13].

Второй уровень восприятия опасности представляют шутки о том, что эпидемия ничем не отличается от предыдущих, успешно пережитых, и поэтому особенно бояться ее не стоит (эта подтема присутствует в 17% текстов корпуса).

Какой в следующем году вирус гриппа по китайскому календарю?[14]

Свиной грипп — куриному насмех![15]

[7] https://www.anekdot.ru/an/an0905/j090502.html
[8] https://vk.com/topic-7591742_20062931?offset=40
[9] https://anekdotov.me/nacionalnosti/4008-ukraina-edinstvennaya-strana-mira-gde-gripp.html
[10] http://old.duma.tomsk.ru/page/14421/
[11] https://74.ru/forum/theme.php?id=466495
[12] https://newizv.ru/news/society/01-11-2009/116756-svinym-grippom-pugajut-turistov-i-smeshat-ljubitelej-anekdotov
[13] https://www.anekdot.ru/id/596867/
[14] https://www.diary.ru/~NightWolf66/p85268659.htm
[15] https://www.anekdot.ru/an/an0911/j091116.html#3

В этой категории часто встречаются клишированные тексты, выстроенные по модели «перечня» (см. об этом жанре интернет-фольклора [Yelenevskaya 2012]). В таких шутках предполагается, что люди каждый год сталкиваются с эпидемией гриппа и медиапаникой по поводу нее, а впоследствии оказывается, что опасность гриппа сильно преувеличена.

> Коровье бешенство, птичий грипп... Что дальше? Нас ждет свиная чахотка, рыбья эпилепия, паучья шизофрения, пчелиный бронхит, инфузориева подагра[16].

> Лучше свиной грипп, чем медвежья болезнь[17].

> Птичий, свиной, козий...
> Вот бы к нам завезли Чиновничий грипп![18]

Третий уровень восприятия опасности — представление о том, что текущая эпидемия отличается от предыдущих, необычна, но при этом опасность болезни и ее последствий преувеличены (9% текстов).

> Доктор, хрю-хрю, как отличить свиной грипп, хрю-хрю, от обычного? — Голубчик, хрю-хрю, свиной грипп от обычного практически, хрю-хрю, не отличается![19]

> Объявление по больнице: «Заболевшие свиным гриппом переводятся на усиленный рацион питания с повышенным содержанием комбикормов»[20].

Наконец, на четвертом уровне пользователи предполагают, что эпидемия действительно опасна, может привести к тяжелым последствиям и смерти, и игнорировать ее нельзя (5%).

> Армянское радио спрашивают: — Плохо или хорошо, что 30% россиян считают свиной грипп выдумкой? — Главное, чтобы свиной грипп не посчитал выдумкой 30% россиян.

> Формула гриппа H1N1 звучит как «морской бой»: H1 — попал, N1 — убит![21]

> Если вы почувствовали первые признаки недомогания, не торопитесь к врачу — вспомните сначала о своем начальстве, о недругах и о тех, кто до сих пор не вернул вам долги[22].

Мы видим, что наибольшее число шуток построено на умеренном скепсисе относительно эпидемии: грипп существует, но это всего-навсего очередная волна сезонного гриппа, которая не требует специальных мер. Если мы посмотрим, как изменяется восприятие опасности по ходу эпидемии, то увидим, что в первые месяцы (когда текстов производилось немного) свиной грипп не воспринимается как опасный, но и не игнорируется (*Табл. 1*). «Крайние» позиции шкалы появляются в ноябре, в период развития эпидемии в России максимального медийного давления. В это время создаются тексты, демонстрирующие как доверие к медиа (и, соответственно, страх перед эпидемией) и тексты радикальных «грипп-диссидентов», предполагающих, что никакой эпидемии на самом деле нет.

[16] https://forums.drom.ru/garazh/t36257.html
[17] https://www.anekdot.ru/an/an0906/j090603.html#3
[18] https://www.anekdot.ru/an/an0912/j091215.html
[19] https://www.anekdot.ru/id/420698/
[20] http://www.kchetverg.ru/forum/index.php?topic=1388.5;wap2
[21] https://vk.com/topic-12851149_21933661?offset=40
[22] https://vk.com/topic-12851149_21933661?offset=40

Илл. 2. Высокая опасность гриппа[23]

Табл. 1. Появление текстов об опасности свиного гриппа по месяцам 2009 года

	апр.	май	июнь	июль	авг.	сент.	окт.	нояб.	дек.
эпидемия вымышлена	2	1						**13**	1
эпидемия не отличается от других	**3**	**7**	**2**			1	1	**11**	
опасность болезни преувеличена			1		1			**8**	
эпидемия очень опасна					1			5	1
ВСЕГО ТЕКСТОВ ЗА МЕСЯЦ	**8**	**21**	**5**	**0**	**4**	**2**	**2**	**100**	**7**

2. Дистанция: кто виноват в заражении?

По утверждению Андреа Китта, большинство городских легенд о заражениях обвиняют в нем стигматизированного аутсайдера [Kitta 2019: 27]: это может быть мигрант, приезжий, представитель маргинализованной группы — одним словом, любой «чужак». Иными словами, в заражении обычно обвиняется некоторый внешний источник. Но в случае с эпидемией вирусного заболевания наименьшая степень угрозы связана с максимальной дистанцией до такого внешнего источника заражения (и, соответственно, ситуацией, когда его легче всего избежать: не ездить в Мексику, не пускать иностранцев в страну и т. д.). Таких текстов в корпусе шуток о свином гриппе 6,5%.

> Глядя на распространение свиного гриппа в мире, становится понятно кто ближе к свиньям в эволюционном ряду...[24]

> Село на Западной Украине. В хату больного свиным гриппом стучит кум.
> — Кума, як там Петро?

[23] http://www.ljplus.ru/img4/g/o/govna_telega/Swine.jpg
[24] https://www.anekdot.ru/id/403339/?amp

— Та поїхав до Москви!
— Як до Москви?! Він же дуже хворий! Може багато людей заразити!
— От і Петро те ж саме сказав![25]

Слышал, в связи с эпидемией свиного гриппа Гондурас решил закрыть границу с Украиной?
— Он же от нас далеко.
— Ты даже не представляешь, как Гондурас к нам близко[26].

Однако, как показывает Андреа Китта, в корпусе городских легенд встречаются и тексты о распространении болезни среди «своих». Например, тексты про эпидемию кори, которая началась с посетителей Диснейленда. По мнению исследовательницы, этот случай породил вал текстов именно потому, что эпидемия разразилась в месте, воспринимаемом как безопасное — это территория, ассоциирующаяся с детством, беззаботностью и отдыхом, где люди расслабляются и снижают контроль за происходящим вокруг [Kitta 2019: 40]. Можно допустить, что второй уровень восприятия опасности — страх заражения в общественных местах, когда неизвестно, кто именно может стать источником угрозы, но и избежать ее тоже довольно легко: не посещать публичные пространства или носить маску (тексты, содержащие эту подтему, составляют 12% корпуса). Строго говоря, описанный Андреа Китта «чужак» тоже находится внутри такого общественного пространства. Александра Архипова и Анна Кирзюк высказали предположение о том, что жесткое разграничение «своего» («домашнего», «чистого», безопасного) и «чужого» («городского»/«общественного», «грязного» и потому опасного) пространств и связанная с этим «городская ипохондрия» особенно характерна для постсоветских стран в силу истории санитарии региона [Архипова, Кирзюк 2020: 243–246]; возможно, именно поэтому в нашем корпусе о свином гриппе наиболее частотны шутки про этот уровень опасности. Особую тревожность, судя по этому корпусу, вызывает общественный транспорт.

Сегодня в больницу скорой помощи в Киев был доставлен гражданин Д. Диагноз: закрытая черепно-мозговая травма, гематома в области правого глаза, множественные ушибы и ссадины на теле и лицевой части. Перелом левой кисти.
Комментарии больного: Я всего лишь кашлянул в маршрутке[27].

Маршрутка:
Сидят все, напряженные такие, дышат неглубоко, через 4 слоя марли.
Заходит на остановке чахлик с красными глазами и судорожно начинает кашлять.
— ?!??!!!??!?!!
— Да не волнуйтесь, это не грипп, это туберкулез!
— А-аа.[28]

На третьем уровне опасность представляет кто-то из ближайшего окружения: член семьи, коллега, друг (этих текстов в корпусе 9%). Как мы уже отмечали выше, болезнь в фольклорной картине мира привносится извне — а шутка призвана задать дистанцию между рассказчиком и «группой риска». Но оборотной стороной этого явления оказываются шутки, распространяемые внутри этой стигматизированной группы: в этом случае

[25] https://vk.com/note867942_9567488
[26] https://www.anekdot.ru/an/an0911/j091110.html
[27] https://censor.net.ua/jokes/all/page/1/hero/0/category/135/archive/2009-11-03/author/0/sortby/hits
[28] https://pablito79.livejournal.com/594806.html

они посвящены социальным рискам болезни, страху быть отверженными из-за нее [Goldstein 2004: 6]. Это соображение во многом объясняет и шутки о свином гриппе. Начиная шутить о названии гриппа и ища в своем культурном ландшафте подходящее воплощение «опасной свиньи», люди обращаются, в том числе, к текстам для детей. В этих текстах свиньи встречаются в качестве членов дружеской группы — в России это, например, мультфильм и книга про Винни-Пуха, сказка про трех поросят, телепередача «Спокойной ночи, малыши». Тревожность, связанная с риском передачи вируса в ближайшем окружении, воспринимаемом как безопасное, хорошо соотносится с представлением о «детском»/ «безопасном» внутри этих текстов.

— Дорогия дети! Ваша любимая передача «Спокойной ночи, малыши!» закрыта, так как у Фили и Степашки обнаружен свиной грипп, а Хрюша случайно выпал из окна, сволочь[29].

Каркуша и Хрюша на похоронах дяди Вовы.
— Каркуша, а ты не помнишь, с кем дядя Вова последний разговаривал?
— С тобой, Хрюша. Он тебе сказал — «Будь здоров!»[30]

Жили были три брата, три поросёнка — Ниф-Ниф, Нуф-Нуф и Наф-Наф. Приехал как-то к ним в гости дальний родственник из Мексики по имени Чих-Чих. Собственно на этом сказка и закончилась...[31]

Винни-Пух говорит Пятачку: — Блин, да как же вы меня все задолбали... то Сова со своим птичьим гриппом, то ты, свинья, со своим H1N1[32].

Илл. 3. Угроза внутри группы

В русскоязычном фольклоре такая позиция нормирована корпусом анекдотов о Винни-Пухе, в котором Винни-Пух проявляет агрессивную или доминирующую позицию по отношению к Пятачку [Архипова 2001]. Сравним, например, два текста, первый из которых распространялся до свиного гриппа, а второй появился во время эпидемии.

[29] https://zvezda-forever.livejournal.com/112152.html?thread=2754840
[30] https://www.anekdot.ru/an/an0905/j090507.html
[31] whitemen.livejournal.com
[32] https://www.anekdot.ru/id/414524/

— Винни, а куда мы идем?
— Ко мне в гости, Пятачок.
— А что мы там будем делать?
— Холодец[33].

В гости к Вини-Пуху приходит Пятачок. Вини-Пух его встречает в марлевой повязке и недобро так косится.
Пятачок: Вини, ты что, заболел?
Вини-Пух: Я то здоров. А вот по поводу тебя, свинья (достает из комода разделочный тесак) есть у меня ба-а-а-альшие сомнения...[34]

Наконец, еще один уровень близости опасности — это распространение вируса через субстанции, от которых непосредственно зависит наша жизнь и которые контактируют с телом (воздух, вода, пища). В нашем корпусе встречаются исключительно шутки про пищу (подтема присутствует в 13% текстов). В текстах этой, самой большой группы выделяются два ключевых мотива: (1) шутки о том, что свинина (не) может быть заразной, и (2) свиньи, распространяя грипп, мстят украинцам за провербиальную любовь к салу. Иными словами, в корпусе о свином гриппе интересно разворачивается характерный для городской легенды конспирологический мотив о целенаправленном заражении — свиньи оказываются не только носителями заразы, но и акторами, осуществляющими заговор против человечества.

Двое друзей в ресторане. Один заказывает жареную свинину.
Второй:
— А ты не боишься заразиться свиным гриппом?
Первый:
— Если этой свинье вздумается на меня покашлять, то мне грозит не грипп, а инфаркт[35].

У вас свининка свежая? — Да! Вчера еще кашляла...[36]

Марьиванна:
— Вовочка, о чем нам рассказывает Николай Гоголь в своей повести «Страшная месть»?
Вовочка:
— Об эпидемии свиного гриппа на Украине![37]

Зараженные свиньи для атаки выбрали Украину. Зуб за зуб[38].

По мере развития эпидемии предполагаемый источник заразы меняется — если в первые месяцы главным предметом шуток (и, возможно, опасений) о гриппе были еда и ближайшее окружение, то в ноябре фокус сдвигается к опасности заражения в общественных пространствах города, особенно в транспорте, и связанной с этой опасностью массовой панике.

[33] https://www.anekdot.ru/tags/%D0%92%D0%B8%D0%BD%D0%BD%D0%B8-%D0%9F%D1%83%D1%85
[34] http://whitemen.livejournal.com/2009/05/14/
[35] https://newizv.ru/news/society/01-11-2009/116756-svinym-grippom-pugajut-turistov-i-smeshat-ljubitelej-anekdotov
[36] https://www.anekdot.ru/id/403512/?amp
[37] https://www.anekdot.ru/an/an0912/j091215.html
[38] http://anekdot.eu/29879/

Табл. 2. Появление текстов о «дистанции от опасности» по месяцам 2009 года

	апр.	май	июнь	июль	авг.	сент.	окт.	нояб.	дек.
еда/вода/воздух	1	**5**	1		1			**10**	2
член коллектива		**6**				2		5	
общественные места								**18**	1
внешняя угроза		2	1					**7**	
ВСЕГО ТЕКСТОВ ЗА МЕСЯЦ	**8**	**21**	**5**	**0**	**4**	**2**	**2**	**100**	**7**

3. Средства защиты: можно ли обезопасить себя от угрозы?

Тексты о защите от опасности также можно условно разделить на три группы по уровню беспокойства: (1) внешняя защита («нас защищает государство, мне самостоятельных мер предпринимать не надо»); (2) медицинская защита («существуют официальные средства лечения и профилактики, мне достаточно приобрести нужное»); (3) самозащита («я должен сам искать способы защититься от болезни, государство и медицина бессильны»).

На первом уровне оценивается, насколько власть контролирует происходящее, адекватно оценивает ситуацию и принимает адекватные меры по ее разрешению на государственном уровне. Таких текстов в корпусе о свином гриппе 9,1%, и все они остро критичны по отношению к правительственным мерам борьбы с эпидемией.

> Вирус свиного гриппа до России не дойдет! — уверенно сказал нам в интервью Самый главный санитарный врач России. — У вирусов нет ножек и ходить они не могут![39]

> А почему есть только два типа животного гриппа, свиной и птичий, спросили у главврача России господина Онищенко. «Да не знаю я» — пробурчал Онищенко, потом обиженно нахохлился и хрюкнул[40].

> Сегодня в Москве прошел Марш несогласных с массовой вакцинацией. ОМОН применил к демонстрантам запах чеснока изо рта и закидал таблетками ремантадина. 15 задержанных будут подвергнуты принудительной вакцинации из шприцов 50 мл[41].

На втором уровне оценивается доступность и эффективность медицинских средств профилактики и лечения (вакцинация, барьерные средства защиты, медицинские услуги, лекарственные средства и т. д.). В текстах периода свиного гриппа, как правило, проявляется представление о том, что индивидуальные средства становятся дефицитными и, соответственно, недоступными — либо из-за отсутствия их в аптеках, либо из-за высокой стоимости (таких шуток в корпусе 21,4%).

> В связи с эпидемией свиного гриппа в аптеки завезена партия марлевых повязок с вырезом под пятачок[42].

> Из женского бюстгальтера можно сделать 2 маски от гриппа[43].

[39] mushroom777.livejournal.com

[40] https://www.anekdot.ru/an/an0910/j091021.html#9

[41] https://www.anekdot.ru/authors/?a1=%D0%A2%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%B2&page=4

[42] http://www.liveinternet.ru/users/2203716/post113605060/

[43] https://www.anekdot.ru/id/420558/

Объявление:
Меняю стопку повязок на лицо и начатый тюбик оксолинки на BMV седьмой модели не старше 2004 года[44].

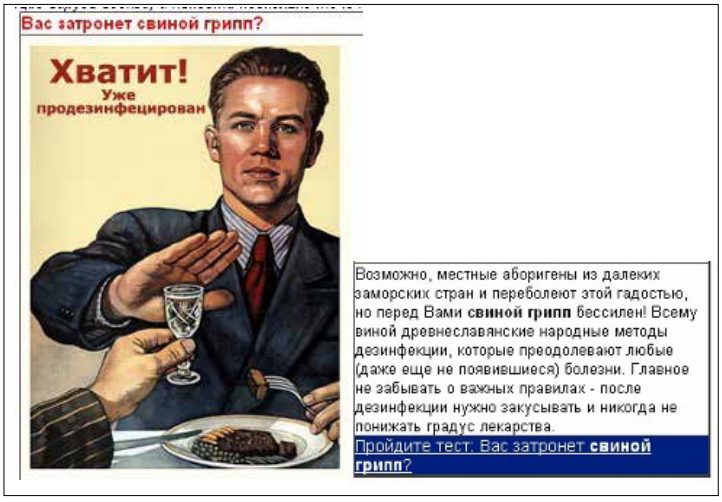
Минздрав РФ предупреждает: для эффективного лечения свинячего гриппа необходимо обращаться за медицинской помощью не менее чем за пять суток до появления первых признаков заболевания![45]

Наконец, на третьем уровне оказывается, что единственным ресурсом, доступным человеку и эффективным в период эпидемии, оказываются средства народной медицины, например, чеснок — самое популярное средство профилактики ОРВИ, алкоголь и т. д. (5,8%).

Лучшая профилактика от гриппа — чеснок, да и в транспорте ехать свободнее[46].

Из советов ветеринара: Напившись до поросячьего визга, Вы приобретете стойкий иммунитет от свиного гриппа[47].

На *Илл. 4* представлен скриншот результатов шуточного теста «Вас затронет свиной грипп?», содержащий именно этот месседж.

Илл.4. Свиной грипп и россияне[48]

Как видно из Таблицы 3 (*Табл. 3*), способы защититься от эпидемии не очень интересовали пользователей русскоязычного сегмента соцмедиа вплоть до периода острого всплеска в ноябре. В этот момент оказалось, что наибольшее внимание пользователей привлекает дефицит лекарственных средств и средств защиты (особенно масок и противовирусных средств, которые были почти повсеместно раскуплены в начале ноября, а на оставшиеся запасы цены выросли в два и более раза[49]), а вовсе не критика действия властей и не насмешка над людьми, возлагающими надежды на действенность народной медицины.

[44] http://taragorod.ru/forum/49-17-1
[45] https://www.anekdot.ru/an/an0911/j091103.html#5
[46] https://www.anekdot.ru/tags/%D0%B3%D1%80%D0%B8%D0%BF%D0%BF/2
[47] https://www.anekdot.ru/tags/%D0%B3%D1%80%D0%B8%D0%BF%D0%BF/3
[48] http://www.infocrisis.ru/test_gripp.html
[49] https://www.dp.ru/a/2009/11/09/Svinoj_gripp_vizval_defic2

Табл. 3. Появление текстов о защите от эпидемии по месяцам 2009 года

	апр.	май	июнь	июль	авг.	сент.	окт.	нояб.	дек.
действия власти	1	1					2	9	
медсредства (доступность/эффективность)	1	2	0	0	1	0	0	**26**	2
народные средства	1	1						5	1
ВСЕГО ТЕКСТОВ ЗА МЕСЯЦ	**8**	**21**	**5**	**0**	**4**	**2**	**2**	**100**	**7**

Юмор и общественная напряженность

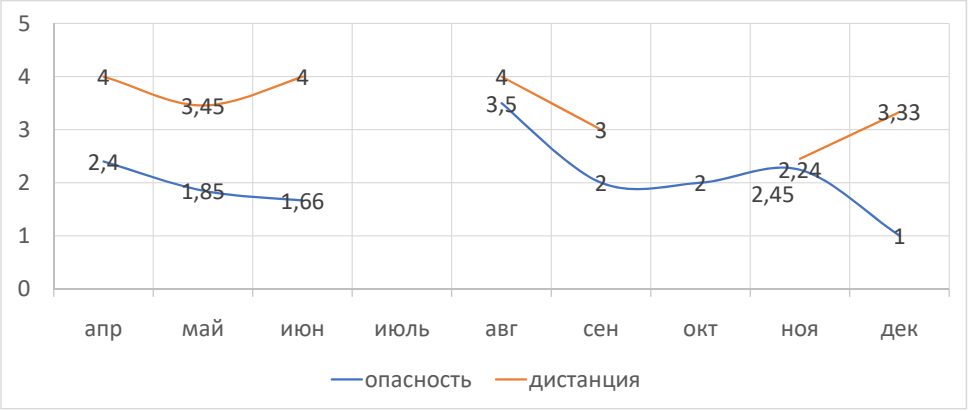
По юмористическим текстам складывается довольно целостное отображение восприятия свиного гриппа: по отношению к нему пользователи были настроены довольно скептично (относятся скорее как к одному из «сезонных» гриппов), смеясь в основном над паническими опасениями заразиться в общественных пространствах и, соответственно, исчезновением из продажи средств барьерной профилактики.

Однако для нас гораздо важнее другое: что мы можем сказать об уровне напряженности судя по этим (напомню — фрагментарным) данным?

На основе полученных данных создадим рейтинги по каждой теме (где наименьшим угрозе или расстоянию будет соответствовать 1, а наибольшим — 4) и затем получим средневзвешенное значение рейтинга для каждого показателя каждого месяца (например, если по теме «уровень опасности» в апреле три текста соответствуют рейтингу 2, а два текста — рейтингу 3, то средневзвешенное значение составит 2,4). Рейтинг по теме «защита от опасности» мы в этот анализ не включаем, во-первых, из-за большого числа лакун в данных, а во-вторых, потому, что в течение всего периода наблюдений он составляет примерно равные значения (около 2), и влияния на результат не окажет.

На *Графике 3* видно, как соотносились между собой в течение эпидемии тексты об уровне опасности и о дистанции от нее. В апреле, когда обсуждение свиного гриппа только началось, дистанция воспринималась как максимальная, а угроза как средняя. В мае дистанция снижается, но снижается и угроза. В это же время идет активное текстопорождение. В июне угроза отходит на второй план, а дистанция опять возрастает — неудивительно, что и текстов на протяжении всего лета довольно мало (угроза слишком незначительная, а расстояние слишком велико, чтобы вызывать интерес русскоговорящей аудитории). Но начиная с сентября ситуация меняется. В ноябре, во время пика эпидемии, наблюдаемый корпус демонстрирует ситуацию, идеально соответствующую концепции Макгроу: и дистанция, и опасность соответствуют среднему уровню — неудивительно, что в ноябре возникает всплеск текстопорождения, растет доля юмора в обсуждениях (*Табл. 1–3*). В декабре дистанция опять увеличивается, а уровень опасности резко падает — и параллельно снижается и число вновь возникающих фольклорных юмористических текстов.

График 3. Рейтинг уровня опасности и дистанции до нее в течение года

Заключение

Шутки о конкретных эпидемиях (и в разных локальных контекстах) могут на первый взгляд очень различаться между собой. Во время свиного гриппа шутят о сале, в ходе эпидемии болезни Эбола — о зомби, атипичная пневмония порождает шутки о компартии КНР, и т. д. Неудивительно, что это богатство мотивов привлекает внимание и журналистов, и пользователей соцмедиа, и, конечно, исследователей. В изучении эпидемического фольклора возникают две крайности: либо исследователи, завороженные этим разнообразием, производят бесконечные несопоставимые между собой работы об отдельных кейсах, либо весь юмор об эпидемиях (и не только о них) описывается через понятие дистанции: дистанцирование от угрозы, от маргинальных групп, от паникеров, от эмоциональной гегемонии СМИ, от действий властей и так далее.

Однако, как мы видели, разнообразие мотивов можно свести к простой модели описания юмора, созданной на основании экспериментов Макгроу. Такая модель потенциально может быть применена к шуткам о любой эпидемии (а возможно, и о других типах опасности). Она включает три основные темы: степень остроты опасности, дистанция до опасности и способы защиты от опасности.

Шутки об остроте опасности показывают, насколько она актуальна для группы, которая распространяет эти тексты: считается ли, например, что эпидемия выдумана, а заразность или летальность вируса преувеличены (в таких шутках проявляются актуальные конспирологические представления), или, наоборот, что риск заболеть и получить тяжелые последствия очень высок. В текстах о свином гриппе доминировало представление, что обсуждаемый вирус — всего лишь один из вариантов сезонного гриппа: опасность, которую не стоит игнорировать, но не стоит и преувеличивать.

В шутках о дистанции до опасности речь идет о том, насколько близок к каждому из нас источник заражения — находится ли он в другой стране или в собственном доме. Эти тексты особенно важны для нас еще и потому, что в них ярко проявляются фобии, связанные с теми или иными социальными группами, городскими пространствами, субстанциями; иными словами, шутки рассказывают не только о том, кого или чего боятся люди непосредственно в связи с болезнью, но и кого они могут обвинять в заражении. В случае свиного гриппа оказалось, что если возникает угроза

с неожиданной стороны — внутри собственной группы, то новый страх может «упаковываться» в неожиданные фольклорные модели. Для эпидемии 2009 года такой моделью оказались шутки о персонажах массмедийных текстов для детей.

Наконец, в шутках о способах защиты от болезни проявляются ожидания относительно того, смогут ли уберечь от заразы меры и средства, разработанные официальными институциями, можно ли на них положиться — или же каждому придется спасаться самостоятельно. Это шутки о доверии и недоверии к государству и институциональной медицине.

Построив рейтинг степени опасности, мы даже на имеющемся ограниченном массиве данных, увидели, что шутки об эпидемии возникают преимущественно в соответствии с идеей Макгроу о балансе остроты опасности и дистанции до нее. Новые шутки о свином гриппе появлялись тогда, когда опасность воспринималась как умеренная (гриппом можно заразиться, но вряд ли можно умереть от него), а дистанция до нее — средняя (источник заражения — соотечественники в общественных пространствах города).

При этом во время эпидемии 2009 года наибольшую озабоченность у пользователей вызывал дефицит индивидуальных средств лечения и профилактики, рекомендованных медицинскими институциями (а не системные действия государства, касающиеся всех, и не вернакулярные стратегии выживания во время эпидемии). Наибольшие надежды, по-видимому, возлагались на официальную медицину и предлагаемые ею средства — и, если они не оправдывались, возникала острая фольклорная реакция.

Вполне вероятно, что юмор об эпидемии может стать диагностическим признаком того, как воспринимается опасность этой эпидемии. И сама модель, и высказанные предположения, разумеется, требуют верификации на материалах других «эпидемиологических» фольклорных циклов, например, шуток о пандемии коронавируса 2020 года — хотя каждый из нас не устает надеяться на то, что жизнь будет поставлять нам как можно меньше исследовательского материала такого рода.

Литература

Анцибор, Д. (2012). Природа сміху в чорнобильському та епідемічному фольклорі. *Література. Фольклор. Проблеми поетики, 2012*(36), 366–371.

Архипова, А. С. (2001). Ролевые структуры детских анекдотов. В К. А. Богданов, А. А. Панченко (Сост.). *Мифология и повседневность: Гендерный подход в антропологических дисциплинах: Материалы научной конференции 19–21 февраля 2001 г.*, 298–338. СПб.: Алетейя.

Архипова, А. С., Кирзюк, А. А. (2020). *Опасные советские вещи: Городские легенды и страхи в СССР*. М.: НЛО.

Архипова, А. С., Радченко, Д. А., Белянин, С. В., Кирзюк, А. А., Доронин, Д. Ю., Югай, Е. Ф. (2018). О чем мы на самом деле шутим: количественный анализ анекдотов 2017 года. *Фольклор и антропология города, I*(1), 180–202.

Конрадова, Н., Тойбинер, К., Шмидт, Э. (2009). Вступление. В Н. Конрадова, К. Тойбинер, Э. Шмидт (Ред.). *Control+Shift. Публичное и личное в русском интернете: Сборник статей*, 9–17. М.: Новое литературное обозрение.

Кратасюк, Е. (2009). Конструирование реальности в российских СМИ: новости на телевидении и в интернете. В Н. Конрадова, К. Тойбинер, Э. Шмидт (Ред.). *Control+Shift. Публичное и личное в русском интернете: Сборник статей*, 45–70. М.: Новое литературное обозрение.

Лебедев, П. А., Паутина, Л. Н., Барабанов, В. М., Худолей, А. С., Макарова, А. А., Сидоренко, А. Н. (2010). *Интернет в России. Состояние, тенденции и перспективы развития. Отраслевой доклад*. Режим доступа: https://adindex.ru/files/47676/internet.pdf

Шмидт, Э., Тойбинер, К. (2009). «Наш Рунет»? Культурная идентичность и современные медиа. В Н. Конрадова, К. Тойбинер, Э. Шмидт (Ред.). *Control+Shift. Публичное и личное в русском интернете: Сборник статей*, 21–28. М.: Новое литературное обозрение.

Ahmed, W., Bath, P.A., Sbaffi, L., Demartini, G. (2018). Moral panic through the lens of Twitter: An analysis of infectious disease outbreaks. In *SMSociety '18: Proceedings of the 9th international conference on social media and society*, 217–221. New York: Association for Computing Machinery.

Blank, T. J. (2013). *The last laugh: Folk humor, celebrity culture, and mass-mediated disasters in the digital age.* Madison: University of Wisconsin Press.

Chovanec, J. (2019). Early Titanic jokes: A disaster for the theory of disaster jokes? *HUMOR, 32*(2), 201–225.

Davies, C. (2003). Electronic humor about disasters. In P. Narváez (Ed.). *Of corpse: Death and humor in folklore and popular culture*, 15–34. Logan: Utah State University Press.

Ellis, B. (2002). Making a Big Apple crumble: The role of humor in constructing a global response to disaster. *New Directions in Folklore, 2020*(6). Retrieved from http://www.temple.edu/isllc/ newfolk/bigapple/

Frank, R. (2011). *Newslore. Contemporary folklore on the Internet.* Jackson: University Press of Mississippi.

Fialkova, L. (2001). Chornobyl's folklore: Vernacular commentary on nuclear disaster. *Journal of Folklore Research, 38*(3), 181–204.

Goldstein, D. E. (2004). *Once upon a virus: AIDS legends and vernacular risk perception.* Logan: Utah State University Press.

Kitta, A. (2019). *The kiss of death. Contagion, contamination, and folklore.* Logan: Utah State University Press.

Kuipers, G. (2005). "Where was King Kong when we needed him?" Public discourse, digital disaster jokes, and the functions of laughter after 9/11. *The Journal of American Culture, 28*(1), 70–84.

Lee, J. D. (2014). *An epidemic of rumors: How stories shape our perception of disease.* Logan: Utah State University Press.

Marcus, O., Singer, M. (2016). Loving Ebola-chan: Internet memes in an epidemic. *Media, Culture & Society, 39*(3), 341–356.

McGraw, A. P., Warren, C., Williams, L. E., Leonard, B. (2012). Too close for comfort, or too far to care? Finding humor in distant tragedies and close mishaps. *Psychological Science, 23*(10), 1215–1223.

Meyer, J. (2000). Humour as a double-edged sword: Four functions of humour in communication. *Communication Theory, 10*(3), 310–333.

Narvaez, P. (Ed.). (2003). *Of corpse: Death and humor in folklore and popular culture.* Logan: Utah State University Press.

Obdlik, A. J. (1941–1942). "Gallows humor": A sociological phenomenon. *American Journal of Sociology, 47*(5), 709–716.

Oring, E. (1992). *Jokes and their relations.* Lexington: University Press of Kentucky.

Ritchie, G. (2014). *The linguistic analysis of jokes.* London, New York: Routledge.

Seltzer, E. K., Jean, N. S., Kramer-Golinkoff, E., Asch, D. A., Merchant, R. M. (2015). The content of social media's shared images about Ebola: A retrospective study. *Public Health, 129*(Sep.), 1273–1277.

Seltzer, E. K., Horst-Martz, E., Lu, M., Merchant, R. M. (2017). Public sentiment and discourse about Zika virus on Instagram. *Public Health, 150*(Sep.). 170–175.

Singh, L., Bansal, Sh., Bode, L., Budak, C., Chi, G., Kawintiranon, K., Padden, C., Vanarsdall, R., Vraga, E., Wang, Y. (2020). A first look at COVID-19 information and misinformation sharing on Twitter. *Social and Information Networks (cs.SI).* Retrieved from https://arxiv.org/pdf/2003.13907.pdf

Yelenevskaya, M. (2012). "You've lived in X too long, when...": A view of the world through comic lists (Expatriates' Humour on Ru.net). *Folklore EJF, 50*, 29–48.

Zhang, H. (2017). SARS humor for the virtual community: Between the Chinese emerging public sphere and the authoritarian state. In D. Davis, H. Siu (Eds.). *SARS. Reception and interpretations in three Chinese cities,* 119–146. London: Routledge.

References

Ahmed, W., Bath, P.A., Sbaffi, L., Demartini, G. (2018). Moral panic through the lens of Twitter: An analysis of infectious disease outbreaks. In *SMSociety '18: Proceedings of the 9th international conference on social media and society*, 217–221. New York: Association for Computing Machinery.

Antsibor, D. (2012). The nature of laughter in Chornobyl and epidemic folklore. *Literature. Folklore. Problems of poetics, 2012*(36), 366-371. (In Ukrainian)

Arkhipova, A., Radchenko, D., Belyanin, S., Kirzyuk, A., Doronin, D., Yugaĭ, E. (2018). What we really joke about: A quantitative analysis of 2017 anecdotes. *Urban Folklore & Anthropology, 1*(1), 180–202. (In Russian).

Arkhipova, A. (2001). Role structures of children's anecdotes. In K. Bogdanov, A. Panchenko (Comp.). *Mythology and everyday life: Gender approach in anthropological disciplines*, 298–338. Saint-Petersburg: Aleteya. (In Russian).

Arkhipova, A., Kirzyuk, A. (2020). *Dangerous Soviet things: Urban legends and fears in the USSR*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Blank, T. J. (2013). *The last laugh: Folk humor, celebrity culture, and mass-mediated disasters in the digital age.* Madison: University of Wisconsin Press.

Chovanec, J. (2019). Early Titanic jokes: A disaster for the theory of disaster jokes? *HUMOR, 32*(2), 201–225.

Davies, C. (2003). Electronic humor about disasters. In P. Narváez (Ed.). *Of corpse: Death and humor in folklore and popular culture*, 15–34. Logan: Utah State University Press.

Ellis, B. (2002). Making a Big Apple crumble: The role of humor in constructing a global response to disaster. *New Directions in Folklore, 2020*(6). Retrieved from URL: http:// www.temple.edu/isllc/ newfolk/bigapple/

Fialkova, L. (2001). Chornobyl's folklore: Vernacular commentary on nuclear disaster. *Journal of Folklore Research, 38*(3), *181–204.*

Frank, R. (2011). *Newslore. Contemporary folklore on the Internet.* Jackson: University Press of Mississippi.

Goldstein, D. E. (2004). *Once upon a virus: AIDS legends and vernacular risk perception.* Logan: Utah State University Press.

Kitta, A. (2019). *The kiss of death. Contagion, contamination, and folklore.* Logan: Utah State University Press.

Konradova, N., Teubener, K., Schmidt, E. (2009). Introduction. In N. Konradova, K. Teubener, E. Schmidt (Eds). *Control+Shift. Public and personal on Russian Internet: Collected papers*, 9–17. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Kratasyuk, E. (2009). Constructing reality in Russian mass media: News on television and on the Internet. In N. Konradova, K. Teubener, E. Schmidt (Eds). *Control+Shift. Public and personal on Russian Internet: Collected papers*, 45–70. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Kuipers, G. (2005). "Where was King Kong when we needed him?" Public discourse, digital disaster jokes, and the functions of laughter after 9/11. *The Journal of American Culture, 28*(1), 70–84.

Lebedev, P., Pautina, L., Barabanov, V., Khudoley, A., Makarova, A., Sidorenko, A. (2010). *The Internet in Russia. Current status, tendencies and development prospects. Industry report.* Retrieved from https://adindex.ru/files/47676/internet.pdfLee, J. D. (2014). *An epidemic of rumors: How stories shape our perception of disease.* Logan: Utah State University Press.

Marcus, O., Singer, M. (2016). Loving Ebola-chan: Internet memes in an epidemic. *Media, Culture & Society, 39*(3), 341–356.

McGraw, A. P., Warren, C., Williams, L. E., Leonard, B. (2012). Too close for comfort, or too far to care? Finding humor in distant tragedies and close mishaps. *Psychological Science, 23*(10), 1215–1223.

Meyer, J. (2000). Humour as a double-edged sword: Four functions of humour in communication. *Communication Theory, 10*(3), 310–333.

Narvaez, P. (Ed.). (2003). *Of corpse: Death and humor in folklore and popular culture.* Logan: Utah State University Press.

Obdlik, A. J. (1941–1942). "Gallows Humor": A Sociological Phenomenon. *American Journal of Sociology, 47*(5), 709–716.

Oring, E. (1992). *Jokes and their relations.* Lexington: University Press of Kentucky.

Ritchie, G. (2014). *The linguistic analysis of jokes.* London, New York: Routledge.

Schmidt, E., Teubener, K. (2009). "Our Runet"? Cultural identity and contemporary media. In N. Konradova, K. Teubener, E. Schmidt (Eds.). *Control+Shift. Public and personal on Russian Internet: Collected papers*, 21–28. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Seltzer, E. K., Horst-Martz, E., Lu, M., Merchant, R. M. (2017). Public sentiment and discourse about Zika virus on Instagram. *Public Health, 150*(Sep.). 170-175.

Seltzer, E.K., Jean, N.S., Kramer-Golinkoff, E., Asch, D.A., Merchant, R.M. (2015). The content of social media's shared images about Ebola: A retrospective study. *Public Health, 129*(Sep.), 1273–1277.

Singh, L., Bansal, Sh., Bode, L., Budak, C., Chi, G., Kawintiranon, K., Padden, C., Vanarsdall, R., Vraga, E., Wang, Y. (2020). A first look at COVID-19 information and misinformation sharing on Twitter. *Social and Information Networks (cs.SI)* Retrieved from https://arxiv.org/pdf/2003.13907.pdf

Yelenevskaya, M. (2012). "You've lived in X too long, when...": A view of the world through comic lists (Expatriates' Humour on Ru.net). *Folklore EJF, 50*, 29–48.

Zhang, H. (2017). SARS humor for the virtual community: Between the Chinese emerging public sphere and the authoritarian state. In D. Davis, H. Siu (Eds.). *SARS. Reception and interpretations in three Chinese cities*, 119–146. London: Routledge.